

Observations of major approaches to the study of ethnicity in modern socio-cultural anthropology is followed by analysis how ethnicity is viewed in Russian anthropology. Socio-biological and cultural primordialism of Soviet and post-Soviet studies contributed political practice and public mentalities which sponsored striking manifestations of exclusive ethno-nationalism and of ethnically-based conflicts on the territory of the former Soviet Union.

This article considers instrumentalist and constructivist visions of ethnicity as well as individually-oriented, socio-psychological approaches for anthropological analysis of post-Soviet societies. Some theoretical conclusions on group formations and on the role of a state and of academic and bureaucratic procedures in institutionalizing ethnic boundaries have a crucial role for sensitive and self-reflective research. Cases of forced imposed ethnic allegiances in a framework of recognized prescriptions and definitions tested against undeclared and poorly understood hierarchy and options for collective and individual strategies in a realm of existing cultural mosaic. Few policy-oriented and research planning recommendations are formulated for managing and studying ethnicity in Russia.

© 1997 г., ЭО, № 3

И.Ю. З а р и н о в

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ ФЕНОМЕНА ЭТНИЧНОСТИ

**(по поводу статьи С.В. Чешко «Человек
и этничность»)***

Этничность – один из основных феноменов человеческого общества, отражающий его историко-культурное многообразие. Этот феномен – результат истории возникновения и взаимодействия народов (этносов), ставших в обыденном сознании явлением самим собой разумеющимся и не вызывающим сомнений в естественности своего изначального существования. Однако в области научного анализа этнос стоит в ряду самых сложных и неоднозначных социальных категорий и попытка ученых вычлнить и объяснить с ее помощью суть такой общности людей, за которой закрепилось многозначное понятие «народ», обернулась многолетними дискуссиями по поводу самой природы этничности и ее места в социуме. Специалисты, следящие за ходом и направлениями споров по этому поводу, знают, что они привели к парадоксальному результату, суть которого достаточно точно выразил С.В. Чешко в статье «Человек и этничность» следующей фразой: «Околонаучными популяризаторами "этнос" объявляется главной социальной ценностью, а этнологическая наука по мере углубления исследований, кажется, все больше утрачивает ясность относительно существа того, что она этим термином обозначает»¹. Конечно, такой приговор современной этнологии – всего лишь полемическое преувеличение автора, однако оно имеет вполне объективные причины. В отечественной теории этноса, как, впрочем, и в западной концепции этничности, действительно существует ряд противоречивых постулатов, позволяющих усомниться в прочности фундамента всей системы наших знаний о феномене, существующем в жизни людей в качестве обыденной реальности.

Основная часть исследователей увидела кризис этнологии в том, что дескать все признаки, определяющие этнос, присутствуют и в характеристиках других социальных общностей, что его надсоциальная исключительность есть aberrация ученых штудий,

* Этнографическое обозрение. 1994. № 6.

в результате которых создана некая конструкция, не имеющая почти ничего общего с его жизненным оригиналом – народом. Некоторые специалисты пошли еще дальше, усомнившись даже в существовании этого оригинала. Абсурдность подобных рассуждений становится очевидной на фоне усиливающегося в мире этно-национального сепаратизма. Этнологи, как и социально-культурные антропологи, вынуждены признать, что проблема упирается не в саму историко-культурную реальность, каковой является народ, а в тот туманный эскиз, который они сотворили из этой реальности. Нет сомнений, что реальность эта не проста, однако не до такой степени, чтобы ее объявлять исторической химерой, которую лишь используют в своих корыстных целях националисты «всех времен и народов». Здесь, как и везде, релятивизм оправдан в нормальных дозах, а перебор его чреват тем же, в чем мы ныне, и небезосновательно, обвиняем прежний догматизм. Кстати, как это ни прискорбно видеть, но как раз именно недавние приверженцы догматизма теперь бегут далеко впереди Гаусса, Достоевского и Эйнштейна, а Маркс и Ленин, без которых они и шагу не делали ранее, ими же более всего развенчаны и заклеяны. К сожалению, этих «ученых» волнует не истина, а нечто другое.

Наличие этнической составляющей в человеческом обществе связано с одним важным вопросом: как и когда в социуме возникло качество, которое стало придавать множеству древних человеческих популяций своеобразие и неповторимость не в контексте родственных связей, а в отсутствии таковых. Скорее всего именно эта историческая фаза таит в себе ключ к разгадке этнического феномена, развившегося и получившего особое значение в государственный период человеческой истории, который продолжается и по сей день, когда этно-национальные отношения стоят в ряду самых острых и трудноразрешимых проблем, вызывающих предчувствие апокалиптического будущего.

Современное человечество представляет собой совокупность различных социальных коллективов, исторической максимой которых до сих пор является государство-нация. Создание наднациональных образований типа Европейского экономического сообщества и других ему подобных не может поставить под сомнение этот тезис, так как последние не исключают и не покушаются на этно-национальные структуры, а, напротив, еще более оттеняют их историко-культурную парадигму. Возникновение основы для этой парадигмы уходит в глубокую древность человечества, но правы ли те исследователи, которые наделяют ею коллективы людей, живших в родоплеменную эпоху? В самый ранний ее период доминантой существования этих коллективов было естественно фиксируемое кровное родство их членов. Тогда понятие «мы» вмещало в себя единственно точный определитель: мы – родичи. В понятие же «они», наоборот: они – не родичи. Необходимости идентифицировать себя в сравнении с другими как-то по-иному не существовало и не имело смысла, несмотря на то что тот или иной род или племя могли иметь свое название и определенные особенности в материальной и духовной культуре. Что касается языковых различий, то этот вопрос находится на незавершенной стадии изученности: современная этнолингвистика не готова ответить на него более или менее определенно. Ясно только одно: при всей лингвистической дифференцированности в родоплеменной период человеческой истории язык, – вместе с другими будущими этническими признаками, – играл лишь вспомогательную роль в естественном механизме различения между тогдашними коллективами людей, каковым было родство.

Вся научная литература по родоплеменному периоду истории человечества так или иначе подтверждает тот факт, что ранние догосударственные общности людей строились исключительно на принципе родственных связей и теснейшего взаимодействия с окружающей средой. И в экзогамном роде, и в эндогамном племени основным стержнем, скрепляющим и сохраняющим их единство, было фактическое или иллюзорное родство. Можно сказать, что человек в те далекие времена был более природен, чем социален. Этничность же, наследуя от родоплеменных отношений определенные биологические параметры, является все же категорией социальной.

В ней признак фактического или иллюзорного родства замещается сакральным ощущением общности происхождения всех тех, кто причисляет себя к тому или иному народу. Поэтому и само понятие «этнос» возникло в древнегреческом государстве, сформировавшемся в результате длительного процесса взаимодействия различных эллинистических племен. Этнос как историческая общность людей самоидентифицируется не столько осознанием единого происхождения, сколько ощущением собственных претензий на неповторимость и исключительность своих обычаев и обрядов, то есть традиций, в значительной мере имеющих материальное воплощение в хозяйственной деятельности, пище, одежде, жилье и, наконец, языке. Возражение типа того, что все это имело место и в роде, и в племени, можно принять лишь с существенной оговоркой: во-первых, все историко-культурные особенности, включая и язык, в родоплеменной структуре были еще слабо различимы; во-вторых, и это самое главное, осознание своего единства соплеменниками и противопоставление себя другим строилось главным образом на ощущении родственности в любых ее проявлениях. На родоплеменном этапе развития человечества этничность как социальный феномен только формируется, находясь в зачаточной форме. Развивается же она лишь с возникновением сравнительно больших человеческих популяций, в которых счет родства становится уже невозможным. Однако окончательно этничность заявляет о себе в качестве реальной социальной структуры в процессе образования классового общества и государства. Исторический механизм этого процесса, который в сущности и был этногенезом, достаточно убедительно раскрыт в знаменитой работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»². Преследуя совершенно иную цель и вовсе незнакомый с этнической проблематикой, автор тем не менее показал, что исторический процесс, приведший к возникновению государства, имел определенную связь с возникновением народов. О взаимообусловленности этих двух процессов не раз говорилось на страницах различных обществоведческих исследований.

Однако проблема этничности всякий раз наталкивается на препятствия, лежащие скорее не в области научного анализа, а в сфере философии, идеологии и политики. Произвольный перевод этнических проблем в область этих обществоведческих дисциплин становится причиной искажения самой природы этнического в человеческом обществе. Но беда в том, что этим все чаще стали грешить сами этнологи, забирающиеся в такие дебри, из которых порой выбраться просто невозможно. Достаточно красноречива в этом плане фраза одного из самых серьезных исследователей теоретических проблем современной этнологии С.В. Чешко. Говоря об успехах советской науки, особенно в области «теории этноса», он справедливо замечает, что эта теория «оставляет без ответа главный вопрос: что же такое само "этническое"»?³. Ответ, по его мнению (если исходить из уровня наших знаний об этом социальном феномене) в настоящий момент упирается в следующее: «Этносы понимаются как разновидности человеческих общностей, складывающиеся из целого ряда атрибутов (язык, культура, психический склад, самосознание, самоназвание; некоторые исследователи добавляют сюда еще эндогамию). Здесь нет только одного – самой этнической субстанции»⁴. Автор, правда, прямо не объясняет, что он подразумевает под этой субстанцией, но косвенно это становится ясным, когда он говорит о большом внимании нашей науки к «процессам происхождения и развития конкретных этносов, однако по сути, – продолжает он, – даже не ставится вопрос, откуда вообще взялось "этническое", из каких потребностей и сторон жизнедеятельности людей оно возникло, какова присущая только ему природная функция?»⁵. Данная работа как раз и является скромной попыткой ответить на этот вопрос.

В отечественной этнологической науке действительно сложился определенный вектор, направленный в сторону утверждения извечности этнического феномена в истории человечества. Результатом такого подхода к нему, видимо, стала попытка нахождения «этнического» на протяжении всей этой истории. Отсюда, несомненно, берет свое начало трактовка стадийного развития этноса, которая получила наи-

более яркое воплощение в упомянутой выше «теории этноса» в виде типологической триады: племя–народность–нация⁶. Кстати, до сих пор в отечественной этнологической науке не дана подробная характеристика самой проблемы типологизации этнических общностей вообще и конкретной ее постановки в виде приведенной выше триады в частности. Имели место лишь известная дискуссия на страницах ежегодника «Расы и народы»⁷, а также соображения автора данной статьи в его диссертации «Этнокультурные проблемы иммиграции (на материалах истории поляков в Бразилии)»⁸. Сущность последних состояла в том, что типологизация этноса, предпринятая Ю.В. Бромлеем, носила скорее методологический характер, поскольку охватывала не столько этническую природу развития общества, сколько ее соотношение с марксистской моделью общественно-экономических формаций. Именно поэтому известная триада племя–народность–нация признавалась мною несостоятельной с точки зрения собственно этнической типологизации. К сказанному стоит добавить, что только «народность», призванная в этой триаде обозначать «недоразвитую нацию», имеет этническую нагрузку, хотя критерий для выделения в реальности подобной группы людей вряд ли кто осмелится установить. Кстати, подобная же трудность обнаруживается и в отношении самого народа (этноса), но это уже вопрос, связанный не с проблемой этнической типологии, а с уровнем наших представлений о феномене, который несет в себе сложное сочетание биологической и социальной природы человечества. Сложность и неоднозначность этого феномена привели, видимо, С.В. Чешко к оценке его как неизменно ускользающего сквозь пальцы, «несмотря на любые методологические ухищрения»⁹. Нельзя не согласиться и с его утверждением о том, что «этническое» может «проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет»¹⁰. К последней посылке автора следовало бы только прибавить сослагательное «как бы». «Этническое», действительно, проявляется лишь опосредованно через историко-культурные особенности, однако его отсутствие можно лишь принять в том смысле, что мы, люди, изучающие этот феномен, до сих пор не можем найти тот «золотой ключик», с помощью которого можно открыть ту «потайную дверь», за которой находится этническая субстанция. Поиск этот осложняется тем, что необходимо найти «ключик» и «дверцу» одновременно, тогда как на практике у нас это получается порознь. Здесь необходимо пояснить, что в данном случае имеется в виду, то есть что подразумевается под двумя этими заветными вещами. «Дверца» в нашем образном выражении – это предмет самой науки, имеющей в настоящее время двойное наименование: этнография или этнология. Начав свое существование под первым названием, наука эта не слишком задумывалась о том, что она изучает в принципе, исследуя в основном общности людей, стоящих, на примитивной стадии общественно-политического развития. Однако именно в этом научном интересе этнографии и намечался, по-видимому, путь к осознанию сущности природы «этнического» в человеческом обществе. Другими словами, в исследовании пережитков родоплеменных структур в конкретном их проявлении можно было нащупать ту «материю», из которой, наверное, и родилась искомая этническая субстанция, постоянно от нас исчезающая, как только мы к ней подступаем. В западной культурной и социальной антропологии специалисты эту проблему стараются решить просто: поиск этой субстанции подменяется изучением конкретных проявлений этничности в любой социальной форме, снижая, таким образом, степень понимания этого феномена от многомерного «этноса» к одномерной, по их мнению, «этнической группе». Не случайно, кстати, понятие, выраженное термином «ethnicity», на русский язык закономерно переведенное как собирательно-обобщенное существительное от термина «этнос», появилось среди американских социологов, имевших в виду не столько этническое, сколько групповое качество вообще. В отечественной же научной практике путь к этничности, с одной стороны, был направлен на поиск «абсолютной истины» в этом вопросе, а с другой – был ограничен рамками марксистско-ленинской методологии, где приоритетной являлась социально-экономическая сфера развития общест-

ва, тогда как этничность пронизывает весь социум от экономики до психики, причем захватывает как индивидуальный, так и коллективный уровни.

Итак, «потаенной дверью», которую нам необходимо открыть, является сам предмет науки, изучающей одно из качеств человеческого общества, во всем как бы присутствующее, но постоянно исчезающее. Происходит это по многим причинам, главная из которых заключена в том, что традиционно этнография (этнология) покушается на постижение всей истории человечества, тогда как ее предмет, которым является этнос, вовсе исторически не безграничен. Отсюда и «всеядность» этнологии, вторгшейся в интересы почти каждой из общественных наук. Но существует также и упомянутый выше «золотой ключик», которым в любой науке является ее терминологический аппарат. В этом отношении в этнологии дела обстоят не лучше, чем с ее предметом, так как этот аппарат настолько разнообразен и не унифицирован, что порою наши дискуссии по тем или иным проблемам сводятся, в конце концов, к терминологическим баталиям. От этого предмет этнологии, и без того сложный, теряет свои контуры, что и привело нашу науку на грань системного кризиса, которому во многом способствовала ранее упомянутая «теория этноса», претендовавшая на решение универсальных проблем человеческой истории от стадного промискуитета до современного постиндустриального общества. Между тем, как уже было сказано выше, этнический фактор исторически далеко не безграничен. Изучение сущности этногенетического процесса дает основание говорить о доэтническом периоде развития человеческого общества, когда оно имело скорее биологическую, чем социальную доминанту. Сохранение же в этническом сознании элементов, доставшихся ему от этого периода, дало основание некоторым исследователям биологизировать этнос. Кстати, именно это качество этноса радикально отличает его от других социальных единиц человечества. И все же при наличии в этносе определенных черт родоплеменного общества его истинная природа характеризуется не родственными, а социальными связями, возникшими в процессе складывания своих, отличных от других черт культуры (хозяйственно-бытовой и обрядовой) и языка. Формирование такой культуры, которую вполне можно назвать этнической, есть результат сложного исторического взаимодействия родоплеменных культур. Не мудрствуя лукаво, этнические культуры, их, так сказать, «самость», и есть предмет нашей науки, как бы она ни называлась: этнография или этнология. А те трудности, с которыми сталкивается этнологическая наука в своих исследованиях, и которые, по мнению С.В. Чешко, «...объясняются в значительной степени тем, что это явление (этничность. — *И.З.*) отчасти находится вне досягаемости научного анализа»¹¹, стоят у нас на пути из-за чрезмерной онтологизации или, наоборот, субъективизации этнического феномена. Если мы и дальше будем идти по этому пути, то никогда не выйдем из того гносеологического тупика, на который указывает С.В. Чешко, говоря о субъективистских интерпретациях этничности как сугубо умозрительной и искусственной конструкции. И вечно в воздухе будет висеть все тот же «проклятый вопрос»: «...в силу каких причин люди вырабатывают "этнические конструкции", чем этничность принципиально отличается от других видов социальной идентичности?»¹². Ничего в этом отношении не дадут и рассуждения о «заопытной» области этничности, в которой, по мнению С.В. Чешко, наверное, скрывается ее суть¹³, ибо вся история человечества некоторым образом «заопытна». А что касается социального инстинкта коллективности, заложенного в этничности, то его нужно искать не в каком-то имманентном свойстве человечества, а в реальном историческом воплощении этого свойства — кровном или фиктивном родстве, оставшемся нам в наследство от него в виде различных типов семейных отношений. Многообразие же этнических образований есть не что иное, как социокультурное соответствие естественным популяционным границам, и в этом смысле оно, действительно, является непременным условием развития человечества, о чем писал еще С.М. Широкогоров¹⁴. В контексте этого условия люди социализируются, как правило, в качестве «этнического человека». Только после этого он становится субъектом других социальных связей, которые вполне могут вытеснить его «этническое начало». В этом процессе

дэтнизации существует множество факторов, среди которых основными являются интересы социально-экономического, политического и идеологического характера. Подобная тенденция общественного развития заметным образом подействовала на воззрения некоторых ученых-обществоведов, претендующих на новое слово в науке (как это ни парадоксально, в этот «грех» впали и заметные отечественные этнологи). В их последних заявлениях звучит мысль о том, что этнос – это всего лишь определенная конструкция, сработанная в головах специалистов-этнологов и ставшая этакой метафизической сущностью, в жизни представленная в виде такой ирреальной величины, как коллективное самосознание. Что же касается источника этого самосознания, то он объявляется какой-то неуловимой данностью в виде многоликой социально аморфной этничности. Таким образом, существование реального народа (этнуса) как носителя историко-культурной исключительности подвергается сомнению. Тем самым отбрасывается и сама этническая культура, возникающая в результате сложения этнуса, а значит, и сам этногенез. В конечном счете этнография (этнология) как наука обеспредмечивается и лишается дальнейших перспектив. А между тем источником этничности, т.е. ее субстанцией, является реально функционирующая этническая культура, существование которой подтверждают все составляющие ее элементы. В «теории этнуса» они названы этническими признаками, главным из которых объявлялось этническое самосознание. Действительно, в этом элементе этнической культуры наибольшим образом выражена историческая сущность любого народа, его, так сказать, единая групповая судьба, и в этой связи трудно переоценить роль семьи, сохраняющей и передающей «этническое» из поколения в поколение. Из этого, правда, совсем не вытекает, что семья является этнической микроструктурой или носителем основных этнических свойств и главным каналом воспроизводства этнической специфики, на что справедливо указывает С.В. Чешко¹⁵. Но это и не означает того, что этничность никак не затрагивает семью, которая, в конце концов, сама является частью этнуса и отличается от других его социальных структур лишь одним – родственными связями. Семья к тому же – единственный сохранившийся от родоплеменного периода инструмент эндогамии. Именно в этой ее роли сложным образом переплелись популяционная (биологическая) и культурная (социальная) природа человеческого общества в целом. Здесь нелишне вспомнить некоторые справедливые замечания академика Ю.В. Бромлея, много сделавшего для развития теоретических основ этнологии. Характеризуя эндогамию в качестве «стабилизатора» этнуса, он справедливо отмечает, что «...как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи культурной информации (как и овеществленных результатов ее реализации в прошлом). В результате, сохраняя этническую однородность семей внутри этнуса, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для него специфики культуры»¹⁶. Этническая функция семьи, – при наличии в ней других социальных функций, – настолько очевидна, что отрицать ее просто нелепо. Это утверждение становится еще более аксиоматичным, если принять во внимание тот факт, что «неуловимая» этничность из трех основных уровней человеческого бытия – индивидуального, семейного и коллективного (внесемейного) – более всего фиксируется на втором из них. Наверное именно поэтому семья стала одним из основных объектов в исследованиях этнографов (этнологов), а не в результате ее «этнизации» учеными, находящимися под влиянием «теории этнуса»¹⁷.

Кстати, есть необходимость вкратце остановиться на некоторых положениях этой теории в связи с темой, заявленной в данной работе. «Теория этнуса» действительно абсолютизирует этнический фактор в человеческом обществе; имманентность этничности является главным ее постулатом. Результатом такого подхода к этническому феномену стала знаменитая типологическая триада племя–народность–нация, выстроенная, как было сказано выше, в контексте теории социально-экономических формаций марксизма. О наиболее этнической парадигме «народности» также говорилось в начале статьи. В принципе этот термин эквивалентен термину народ, то есть «этнос». Что же касается первой части триады – племени, то в этой человеческой общности

существуют только зачатки этничности, что дает нам право оценивать ее как праэтническую. В родоплеменных структурах действительно в полной мере наличествуют все признаки, которые в «теории этноса» квалифицируются как этнические: материальная и духовная культура, язык и, наконец, коллективное самосознание, выраженное через антитезу «мы» и «они». Однако, как было заявлено выше, все это не определяло их единства; главным механизмом общности этого периода было родство. В этносе же, наоборот, признак родства уходит скорее в иллюзорную область; на первое же место в коллективной самости выходят культура и язык, ставшие тем, что собственно и создает этническую общность. Кстати, в последнее время все больше звучит тезис о том, что этнос никак не может монополизировать эти признаки; они, дескать, в достаточной мере присутствуют и в неэтнических общностях: региональных, конфессиональных и даже профессиональных. Подобная постановка вопроса лишает этничность – одного из качеств социума – присущих только ей определителей, а значит, и обрекает ее на парадокс: присутствие везде, но отсутствие в любой реальной форме.

О причинах такого подхода к этничности речь пойдет ниже, здесь же возникает необходимость освещения одной из самых сложных проблем этнологии, связанных со взаимоотношением и взаимосвязью этноса и государства, понимаемого не только как аппарат управления и принуждения, но и как социально-политический организм. Последний, как уже было сказано, можно вполне принять за максимальную оболочку этнического развития. Сопряженность же этничности почти со всеми иными проявлениями человеческой социальности во времени и пространстве лежит, видимо, в основе конструкции под названием «этносоциальный организм», который, по мнению Ю.В. Бромлея, в сочетании с собственно этничностью («этникосом») и есть этнос¹⁸.

Особую роль в становлении концепции, где этнос рассматривается как сложная система, сыграло такое историческое понятие, как нация, возникшее в период становления и развития государств буржуазного типа. Являясь детищем западного мира и обозначая там совокупность членов таких государств, т.е. их граждан независимо от этнического происхождения, на нашей российско-советской почве это понятие-термин сильно этнизировалось. В «теории этноса», как известно, нация стала высшей стадией развития этноса, или третьим ее типом после племени и народности. И действительно, на российской почве, особенно в советское время, такая подмена «этнического» «национальным» имела существенные причины. Полностью не пройдя стадию развития буржуазного государства, где этническая составляющая частично растворялась в структурах гражданского общества, в результате чего нация стала как бы его реальным воплощением (чаще всего эти государства стали называться по имени доминирующего этноса), множество российских народов в процессе своего развития шли, если так можно выразиться, по пути «этнонационализации», то есть в сторону оформления своего собственного государственного бытия. В советское время за это даже не нужно было бороться: ленинская национальная политика в основе своей была направлена на «огосударствление» больших и даже не очень больших по численности этнических общностей. Они, получившие право на создание собственных политических образований, институционализировались в так называемые «титульные» народы (или нации). Параллельно, правда, шел процесс их слияния в единый социально-экономический и политический организм в виде советского народа, точнее – советской нации, но он (этот процесс) был скорее идеологической декларацией, чем реальным историческим фактом. Хотя вовсе исключать советизацию как социально-экономическую, политическую и в меньшей степени этнокультурную интеграцию не правомерно. На это красноречиво указывает болезненность процесса распада Советского Союза, граничащего во многих своих проявлениях с катастрофой. Ведь Российская империя и ее наследник СССР, – при всех издержках их общественного развития, – сложились в относительно органическую геополитическую систему, в которой этнонациональная составляющая не дисгармонировала с другими ее частями. Более того, эта система не только не исключала многообразия этнических культур, ее составляющих, но и упорядочивала взаимоотношения между ними.

Это некоторое отступление от заданной темы не случайно: оно красноречиво подтверждает тезис о важности этнокультурного начала в историческом развитии России. Именно поэтому понимание нации складывалось у нас не в общероссийскую (гражданскую) сторону, а в сторону каждой отдельной этнической общности, и именно поэтому «этническое» и «национальное» стали в нашей традиции, в том числе и научной, синонимичными понятиями. Этническую принадлежность того или другого индивидуума мы не случайно поэтому назвали «национальностью». Отсюда родилось и наше понимание нации как наивысшего типа развития этноса, тогда как она скорее государственно-политическая, чем какая-либо другая общность. Однако нельзя не признать и того факта, что само формирование этой общности во многом было связано с феноменом этничности, которая по мере развития гражданского общества теряла свое значение, становясь неким пережитком прошлого. Таким образом, если род и племя растворяются в этносе, то последний растворяется в нации. Продолжая рассуждать в той же системе координат, можно сделать вывод, что племя – это праэтнос, нации же может быть отведена роль постэтноса, внутри которого содержатся вся совокупность социально-исторических факторов, а также факторы экономические, социальные, политические, идеологические в их диалектическом единстве с фактором этническим¹⁹. Реальность последнего, таким образом, не должна вызывать сомнений, несмотря на то что выделить его, так сказать, в чистом виде из названного «диалектического единства» весьма трудно.

В этой связи интересен тезис С.А. Чешко о том, что «...этничность в целом лежит вне обыденности – подобно любой "сверхсоциальной" идеологии»²⁰. Прежде всего не понятен сам термин «сверхсоциальный». Если автор имеет в виду некую сакральность этнического начала, то, с нашей точки зрения, это в большей степени можно отнести лишь к феномену этнического сознания, которое, впрочем, весьма обыденно в том смысле, что все-таки большая часть человечества причисляет себя к какому-нибудь народу, пусть даже в национальном обличье. Этничность, таким образом, не занимает какого-то сверхъестественного положения по сравнению с другими социальными явлениями, поэтому она в зависимости от пространственно-временного фактора может принимать обыденные и необыденные формы. Наличие конкретных общин и организаций, построенных по этническому признаку, но не несущих этничности в повседневную жизнь, а лишь создающих механизмы достижения определенных целей, по С.В. Чешко, еще не говорит о присутствии в них этничности. Здесь, считает автор, «...на первый план... выходят потребности "человека социального", а не этническая идеология, конкретные коллективы, ставящие конкретные задачи (община, клуб, мафиозный клан и т.д.) и оправдывающие эти задачи этнической солидарностью, но не сама этничность»²¹. О том, что С.В. Чешко подразумевает под «самой этничностью», речь пойдет несколько ниже – в заключительной части данной работы. Здесь же стоит сказать о том, каким этот социальный феномен представляется мне в контексте заявленной темы. Прежде всего этничность охватывает определенный период человеческой истории, где ее, как и многие другие стороны нашего бытия, невозможно выделить из общего социального контекста, так как она является одной из составляющих социума. Появилась этничность в результате распада родоплеменных отношений и получила тенденцию к исчезновению в гражданском обществе буржуазного типа. Однако нынешнее исчезновение «этнического» – процесс весьма сложный и длительный, в котором противопоставление «человека социального и этнического», как это делает С.В. Чешко, не имеет сколько-нибудь принципиального характера, потому что тот и другой еще долгое время будут взаимозависимыми, взаимообусловленными и, таким образом, неотделимыми друг от друга. Исходя из сказанного, попытки создать универсальную дефиницию этничности представляются бесплодными и неосуществимыми. По этому поводу американский исследователь А. Грили остроумно заметил, что в научной литературе существует почти столько же определений этничности, сколько мы можем насчитать ученых, пытавшихся это сделать²².

Не избежали этого искушения и отечественные ученые. Среди них оказался и С.В. Чешко, статья которого «Человек и этничность» стала своеобразным ориентиром в моих суждениях об исторических рамках феномена этничности. С точки зрения С.В. Чешко этот феномен является «...своего рода доопытным и, более того, внеопытным принципом организации человечества, дополняющим другие принципы, основывающиеся на причинно-следственных связях, материальных факторах, рациональном объяснении и целевых установках. Этничность, – заключает автор, – нельзя ни создать, ни разрушить искусственно»²³. С последним тезисом трудно не согласиться, так как, действительно, народ (этнос) – есть следствие исторического процесса, исключая искусственное вторжение в него. В этом смысле этничность как некая социальная материя, конечно, лежит за пределами человеческого опыта, но это вовсе не значит, что этнический принцип организации людей находится вне причинно-следственных связей и не имеет в своей основе материальных факторов, рационального объяснения и целевых установок. Другое дело, что все перечисленное проявляется в этничности не прямо, а опосредованно, через предпочтение людьми других (неэтнических) социальных связей. Это заложенное в ней качество дало основание С.В. Чешко оценивать этничность в системе социальных связей как «сверхсоциальную» субстанцию, не присутствующую в «числе материально и духовно обусловленных сфер деятельности и общения человека, которые делают его человеком»²⁴. Однако этничность скорее суперсоциальная категория, что, кстати, признает и С.В. Чешко в третьем пункте выводов своей статьи, указывая на ее проникновение в любые сферы жизни²⁵. Поэтому и ее иллюзорность, о которой автор говорит далее, совсем не очевидна, так как люди до сих пор говорят на разных языках и воспринимают историю человечества через свой локальный (читай этнонациональный) опыт. С этой точки зрения этничность является своеобразным «социальным окном» в мир и не иллюзорной, как считает С.В. Чешко, а реальной интегрированной совокупностью всех социальных связей между людьми.

Последний вывод С.В. Чешко о «беспредметности» и неуловимости этничности в системе причинно-следственных связей и одновременной ее вездесущности, что якобы является почвой для идеологического конструирования квазиэтничности, также далеко не бесспорен. И не только потому, что, по его мнению, «политические или экономические структуры, создаваемые на базе этничности, на самом деле выражают, так сказать, вторичную этничность, которая отличается от настоящей этничности преобладанием рационально-идеологического начала, целеполаганием, жесткой привязкой к непосредственной деятельности»²⁶, ибо, как уже было сказано ранее, «настоящая этничность» тоже не лишена всех этих признаков. Спорность данного тезиса имеет прежде всего методологический характер, т.е. признания или непризнания за этничностью статуса исторической реальности. Тем, кто придерживается второго мнения, можно возразить следующим образом: конструирование квазиэтничности было бы просто невозможно без наличия этой реальности, в которой естественным образом сочетаются рациональное и иррациональное начала.

Перед тем как подвести итоги данной статьи, хотелось бы отметить, что проблема поставленная в ней, – плод долгих раздумий автора и его консультаций со специалистами по теории этнологии. Не прошла даром и многолетняя работа автора по изучению польской иммиграции в различных странах мира, где этническая составляющая в жизни «человека социального», особенно на начальной стадии его существования вне этнического поля, граничила с «вопросом жизни и смерти». В этом случае «этническая субстанция» заявляет о себе достаточно определенно, становясь главной опорой человека в борьбе за свое будущее. Но главным стимулом в деле написания данной работы стала все-таки статья С.В. Чешко, несомненно, ставшая определенным этапом современного понимания этнонациональных проблем и содержащая в себе к тому же попытку синтезировать некоторые элементы советской «теории этноса» и западной «концепции этничности». Надо сказать, что эта попытка удалась, особенно в последней части его статьи, посвященной проблеме соотношения этничности и инди-

видуума в гражданском обществе, в котором, по словам автора, «свободное самоопределение на индивидуальном уровне – это единственный способ реализации и принципа этногруппового самоопределения... Если же прекратится воспроизводство этой традиции, – продолжает автор, – то значит данный этнос исчерпал свой исторический ресурс, стремление к самоопределению и развитию»²⁷. Ничего против этого возразить нельзя; стоит лишь только сказать, что эта мысль как нельзя лучше вписывается в основной контекст нашей работы: этничность не безгранична в историческом плане, она существует лишь в определенных исторических рамках. Об этом говорит и факт появления, развития и исчезновения на исторической арене конкретных этносов, жизнь каждого из которых, по Л.Н. Гумилеву, длится в среднем около 1200 лет²⁸.

Итак, можно заключить, что, как и все в «подлунном мире», этничность не вечна. Более того, она в человеческой истории во многом сопряжена с периодом существования государства, пришедшего на смену слабо дифференцированному в социальном отношении обществу, основанному на родоплеменных отношениях. Родственность была тогда главным инструментом человеческих общностей; она была основной мерой, соединяющей и одновременно разделяющей людей. Но при увеличении человеческих популяций до союза племен мера эта становится недостаточной, все более замещаясь новой, освобожденной от фактора кровного родства. Именно таким образом, в результате длительного исторического процесса родственность сменяется этничностью, оставляя последней лишь иллюзию своего присутствия в виде осознания общности исторического происхождения. В этом процессе складывается принципиально новый тип культуры, играющей роль объединителя и одновременно разъединителя человеческих коллективов. Этими коллективами и стали этносы (народы), о чем мы узнаем из истории Древней Греции. Между племенем и этносом наверняка существовало множество переходных форм (территориальные общины, тейпы, жузы и т.д. и т.п.), но они еще более подтверждают тот факт, что этногенетический процесс был весьма сложным и противоречивым, принимая в тех или иных регионах мира различные формы. В этой связи было бы кстати привести мнение уже упоминавшегося Л.Н. Гумилева, который считал, что «процесс этногенеза "ведет себя" так же, как видообразование»²⁹. И действительно, многомерность и неоднозначность этногенеза дают основание оценивать его таким образом, но лишь на популяционном, а не на генетическом уровне, что имел в виду Л.Н. Гумилев.

Но существует и другая крайность в оценке этнической природы, совсем игнорирующая ее биологическую составляющую. Однако, как было сказано выше, без этой составляющей трудно объяснить многие моменты, связанные с пониманием сути этнических процессов, в том числе и на современном этапе. В этой связи возникает и основа для релятивистских приговоров этничности, находящейся якобы в качестве чисто социального феномена в зоне «надопытности» и «иррациональности».

И последнее, на чем хотелось бы заострить внимание, касается оценки этнического феномена польскими учеными, традиционно занимающими промежуточное положение между советской «теорией этноса» и западной «концепцией этничности». Они, по нашему разумению, смогли синтезировать наилучшие стороны той и другой точек зрения, приблизившись тем самым к желаемой «золотой середине». Речь об этом уже велась на страницах «Этнографического обозрения» в работе автора данной статьи³⁰, посвященной анализу «Свода этнографических понятий и терминов», созданного учеными СССР и ГДР (первые три выпуска), и польского «*Slownika etnograficznego*».

Данную статью хотелось бы закончить словами одного из известных этнологов Польши З. Ясевича, повторенными им за не менее известным польским обществоведом Е. Вятром. Оценивая феномен этничности в контексте полиэтничного общества и государства, польский ученый связывает его с проблемой коллективной идентификации, тем самым обнаруживая в нем не изначальное «природное» явление, сопровождающее человечество с самого его начала, какими были семейственность или локальность, но как явление, находящееся над кровной и локальной связью³¹.

Примечания

- ¹Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35.
- ²Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
- ³Чешко С.В. Указ. раб. С. 38.
- ⁴Там же.
- ⁵Там же.
- ⁶Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 125–153.
- ⁷Расы и народы. Вып. 18. 1988. С. 5–21. 22–48. Вып. 19. 1989. С. 5–18, 18–38.
- ⁸Заринов И.Ю. Этнокультурные проблемы иммиграции (на материалах истории поляков в Бразилии) // Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991. С. 22.
- ⁹Чешко С.В. Указ. раб. С. 39.
- ¹⁰Там же.
- ¹¹Там же.
- ¹²Там же. С. 38–39.
- ¹³Там же. С. 41.
- ¹⁴Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 106.
- ¹⁵Чешко С.В. Указ. раб. С. 43.
- ¹⁶Бромлей Ю.В. Указ. раб. С. 119.
- ¹⁷Чешко С.В. Указ. раб. С. 43.
- ¹⁸Бромлей Ю.В. Указ. раб. С. 35–47.
- ¹⁹Lawrowski A. Reprezentacja Polskiej grupy etnicznej w zy ciu Stanow Zjednoczonych. Warszawa, 1979. S. 13.
- ²⁰Чешко С.В. Указ. раб. С. 44.
- ²¹Там же. С. 45.
- ²²Grelay A.V., McCready W. Does Ethnicity Matter? // Ethnicity. Chicago. V. I. P. 73.
- ²³Чешко С.В. Указ. раб. С. 45.
- ²⁴Там же.
- ²⁵Там же.
- ²⁶Там же.
- ²⁷Там же. С. 48.
- ²⁸Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 335.
- ²⁹Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 31.
- ³⁰Заринов И.Ю. Термин «этнос» и производные от него в отечественной и польской этнологии // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.
- ³¹Jasiewicz Z. Polacy z Ukrainy w Kazachstanie. Etnicznosc a historia // Lud. T. 75. 1992. S. 13.

**I.Yu. Z a r i n o v. Historical boundaries of the phenomenon of ethnicity
(on the article by S.V. Cheshko «The man and ethnicity»)**

The author argues with S.V. Cheshko about some points of his article ("EO". 1994, № 6) on the basis comparing the Soviet "theory of ethnos" and Western concept of "ethnicity". Data on ethnic Poles in different countries of the world serve for the author as an illustrative material. I. Zarinov points out that usually ethnicity is conceptualized as some eternal attribute of a *socium*. On the contrary the author believes that ethnicity has its historical limits. Thus, in the archaic societies ethnicity exists at its "prehistoric" stage. The modern postindustrial society is a phase of gradual decline of ethnicity.